

вряд ли бесспорно свидетельствует о первичном использовании подобных суффиксов в роли местоименных: в системе живой парадигмы существительных древние надежные суффиксы могли быстрее преобразовываться, утрачиваться и заменяться другими, чем в составе местоименных форм, которые по своей природе всегда близки к наречиям.

Несмотря на возможные возражения ги-

потеза Я. Балажа нам представляется верной: она стройна и логична, основана на современных разысканиях, литература по соответствующим вопросам автором использована умело, со знанием дела. Книга читается с интересом и может принести пользу для уралистики и общего теоретического языкознания.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.2.09>

М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград, Наука, 1972. 745 стр.

1. Выход «Словаря вепского языка» с нетерпением ожидали все, кто интересуется прибалтийско-финскими языками: бесписьменный вепский язык оставался одним из последних прибалтийско-финских языков, по которому серьезные лексикографические источники и описания отсутствовали.

Особая актуальность научной инвентаризации вепской лексики обусловлена не только ее большим значением для исследований по прибалтийско-финским языкам (вепский язык является самым восточным в этой группе и занимает промежуточный ареал между регионами распространения коми и карельского языков), но и тем, что в наше время носители вепского языка в подавляющей основе двуязычны; прежняя духовная и материальная культура вепсов в новых социально-культурных условиях все больше забывается, хранителями прежних духовных ценностей вепского народа являются, как правило, люди пожилого и преклонного возраста, в силу естественных причин они постепенно уходят от нас.

До появления рецензируемого словаря основные сведения о лексике вепского языка черпались прежде всего из кратких (рукописных и печатных) перечней вепских глоссем, составленных в различное время и в различных целях.

Наиболее старый рукописный русско-вепский словник обнаружен нами в Центральном государственном архиве Карельской АССР. Он составлен в 1848 году Вытегорским исправником Ларионовым на основе говоров деревни Куштозеро и со-

держит 531 вепское слово. В 1913 году в Петербурге был издан небольшой «Чудско-русский словарь» П. Успенского, общим объемом 46 страниц. Девять лет спустя, в 1922 году, в Тарту была опубликована монография Л. Кеттунена «Lõunavepsa häälik-ajalugu» (Историческая фонетика южновепских говоров). К ней приложен указатель вепских слов — более 4 тысяч. В архиве Карельского филиала АН СССР хранится рукописный «Чудско-русский словарь» А. В. Светляка, составленный в 1922—1926 годах на основе шимозерских говоров. Он содержит около 5 тысяч вепских слов и был наиболее обширным до самого последнего времени. В 1936 году во время существования вепской письменности в Ленинграде был опубликован «Vepsa-venähine vajehnik» (Вепско-русский словарь) М. М. Хмяляйна и Ф. А. Андреева. Он включает около 3 тысяч вепских слов. Все эти словники давали лишь самые общие сведения о запечатленных вепских лексемах; ни по объему, ни по способу обработки лексем они не удовлетворяют современных научных потребностей.

Словарь М. И. Зайцевой и М. М. Муллонен представляет собой новый источник полезной информации по вепской лексике. Он отличается более высоким уровнем лексикографической обработки и презентации материалов, содержит много лингвистических иллюстраций. Однако из-за скромного объема своего словника (по нашим подсчетам, около 8,5 тысяч слов) изданный словарь также не дает полного

представления о лексических ресурсах вепского языка и его специфических, устно-разговорных средствах номинации.

2. «Словарь вепского языка» содержит краткое предисловие (стр. 3—11), список сокращений (стр. 12—15), вепский алфавит (стр. 16), корпус лексикона (стр. 17—659), русский регистр (стр. 660—722) и краткий грамматический очерк (стр. 723—745).

В предисловии приводятся некоторые сведения о вепсах и их языке, диалектах и истории изучения вепского языка. Перечисляются также источники словаря, в самом общем виде сообщается о тех задачах, которые ставили перед собой составители, особо излагаются принципы отбора слов и построения словарных статей.

Справочный аппарат содержит всю необходимую информацию, облегчающую пользование словарем.

Словарные статьи занимают основное место в словаре, они расположены в одну колонку на странице. Большой по числу страниц объем словаря объясняется тем, что словарь издан офсетным способом.

Всесторонне и подробно рассмотреть словарь — задача, непосильная для краткой рецензии, поэтому мы ограничимся обсуждением отдельных вопросов, которые привлекли наше внимание

3. Словарь М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен является попыткой создания диалектного словаря вепского языка. В нем представлены, правда, далеко неравномерно, материалы из всех трех вепских диалектов — северновепского, средневепского и южновепского, опорным выступает средневепский диалект и прежде всего говоры Пондалы, Куи, Озер, Ладвы, Пелдуш, Ярославичей, Каргинич, Шимозера, Пяозера и некоторые другие. Однако термин 'диалектный' применительно к этому словарю не следует понимать буквально: диалектолог не найдет в нем полных сведений о степени распространенности заглавных слов по всем вепским диалектам и говорам, что характерно прежде всего для строго диалектного типа научных словарей.¹ Из-за недостаточности лингво-гео-

графического материала в словаре во многих случаях указан лишь один говор, где зафиксировано то или иное слово. Замысел составителей создать диалектный словарь вепского языка таким образом опередил реальные возможности. С другой стороны, лингво-географические сведения, хотя и отрывочные, при заглавных словах и экзemplификациях повышают надежность лексического материала и делают его доступным проверке. Принцип указывать лингво-географические источники лексического материала традиционен для прибалтийско-финской лексикографии.

4. Рецензируемый словарь составлен на основе материалов (текстовых и рукописных), накопленных наукой к началу его составления. Помимо указанных словников, составители располагали небольшими по объему словарными записями М. М. Хямляйнена по пелдушскому говору, Н. И. Богданова по шимозерскому, а также своими экспедиционными записями по некоторым малоизвестным средневепским говорам, сделанными в 1962—1968 годах и легшими в основу словаря. М. И. Зайцева и М. И. Муллонен использовали практически всю важнейшую научную литературу по вепскому языку: 4 сборника образцов вепских говоров общим объемом более 500 страниц вепского текста, опубликованные в Финляндии², сборник образцов вепской речи объемом 140 страниц вепского текста, изданный в СССР (подготовлен к изданию составителями словаря)³, крупные обобщающие работы по исторической фонетике и синтаксису вепских говоров, содержащие богатый иллюстративный материал.⁴ В качестве источника привлекался также этимологический словарь финского языка,

² L. Kettunen, Näytteitä etelävepsästä I, Helsinki 1920; II, Helsinki 1925; L. Kettunen, P. Siro, Näytteitä vepsän murteista, Helsinki 1935 (MSFOu LXX); E. N. Setälä, J. H. Kala, Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista, Helsinki 1951 (MSFOu 100).

³ М. Зайцева, М. Муллонен, Образцы вепской речи, Ленинград, 1969.

⁴ L. Kettunen, Lounavepsa häälk-ajalugu I—II, Tartu 1922 (ACUT B II, 2 III, 4); L. Kettunen, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki 1943 (MSFOu LXXXVI); E. A. Tunkelo, Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki 1946 (SKST 228).

¹ См. К. Конт, О составлении словаря водского языка и построении диалектных словарей прибалтийско-финских языков. — Вопросы финно-угроведения, вып. 3, Москва 1966, стр. 95.

в котором имеется значительный вепсский материал.

Хотя на основе существующих источников можно было создать своего рода свод всех накопленных сведений о вепсской лексике, М. И. Зайцева и М. И. Муллонен, по-видимому, стремились охватить преимущественно основной фонд вепсской лексики. Поэтому в словаре нашла отражение главным образом бытовая лексика, связанная с прежней крестьянской жизнью вепсов, в том числе с такими ее сферами, как подсечное земледелие, охота и рыболовство. Меньше отражены в словаре такие области, как народный календарь, отходничество и подсобные промыслы, знахарство, обрядовая и любовная магия. В словаре полностью отсутствуют вепсские топонимы и антропонимы, клички и прозвища людей — отдельные слова типа *āniñe* 'Онежское озеро' (стр. 658), *pitörka* 'жительница Петербурга' (стр. 423), приведенные в словаре, не меняют общей картины. Не вошли в словарь вульгаризмы, бранные слова и выражения, сексуальные термины и основанные на них ругательства — в этом отношении словарь является излишне рафинированным.

5. При отборе слов составители отдавали предпочтение преимущественно самотытным корневым словам. Положительной стороной словаря является то, что в нем, помимо базисных лексем, приводится много дескриптивных и уменьшительно-ласкательных слов — они, действительно, широко встречаются в речи вепсов в повествованиях на различные темы. Большое количество синонимических слов и выражений, зафиксированных в словаре, — тоже одно из достоинств этой книги.

Производные же слова в перечне заглавных слов представлены неполностью: ограниченный объем словаря не позволил составителям включить все производные слова, поэтому многие регулярные образования — некоторые демутививные формы существительных, отлагольные имена действия, некоторые производные глаголы остались за пределами словаря.

Многочисленные сложные слова в словнике представлены как с номинативным, так и с генитивным первым компонентом. Однако вводные замечания о принципах отбора сложных слов, первый компонент которых выступает в генитиве, не соответ-

ствуют фактическому содержанию лексикона: в словаре приводятся не только экзотические сложные слова типа *kukoinsümad* 'куриная слепота' (букв. 'петушиные глаза') (стр. 243), но и эндоцентрические типа *haraganpeza* 'сорочье гнездо' (стр. 106), *hiñantego* 'сенокос' (стр. 120), *kondgampeza* '(медвежья) берлога' (стр. 223) и т. д., причем последних значительно больше.

Заемствования в словаре указаны выборочно. Составители подчеркивают, что они отбирали только те заимствования из русского языка, которые широко употребляются в бытовой речи и «прочно устоялись в языке». Однако принципы отбора русских заимствований во многом остаются все же неясными. Так, в словник включено демутививное существительное *durāñe* 'дурочка' (стр. 70), но другие формы его не отмечены. Отсутствуют в перечне заглавных слов, к примеру, такие слова, выбранные нами наугад из образцов вепсской речи, как *kabluk* 'каблук', *špilka* 'шпильки', *šfelkat* 'стельки', *pefodat* 'переда (сапор)', *kepik* 'кепка', *prošek* 'просека', *flaškad* 'флажки' и т. д., несомненно, относящиеся к повседневной бытовой речи.

Слова, приведенные в качестве заглавных, относятся к различным грамматическим классам, большинство заглавных слов имеет корректные грамматические пометы. Иногда все же толкование отдельных слов в качестве наречий и включение их в словник вызывают сомнения. Так, в роли наречий указаны многие существительные в некоторых косвенных падежах; например, *igaks* 'навек, навсегда', *igan* 'вечно, всегда, всю жизнь', *igas* 'век, никогда, за всю жизнь' при номинативе *iga* 'век, возраст' (стр. 145), *südäimehe* 'внутри', *südäimes* 'внутри' при номинативе *südäin* 'нутро, внутренность' (стр. 532). Аналогично толкуются некоторые местные падежи существительного *ird* 'наружная сторона, улица' (стр. 144) и т. д.

В числе заглавных приводятся фонетически редуцированные сочетания *iñle* (< *ei ole*) 'нет, не имеется', *iñsa* (< *ei sa*) 'нельзя' (стр. 146), сочетания отрицания с полными глаголами типа *emboi* 'не могу' (стр. 79), *iñvoida* 'нездоровиться'

(стр. 146), а также целые словосочетания, например *maha panda* 'хоронить' (стр. 316).

Включение в словарь фонетических и грамматических единиц создает впечатление, что при отборе слов составители больше полагались на свою интуицию, нежели на какие-то определенные теоретические представления о лексических единицах разговорной вепсской речи.

6. Лексикографическая обработка собранного материала и его подача в словаре в целом имеет квалифицированный характер. Заглавные слова располагаются в алфавитном порядке без объединения их в гнезда. За заглавным словом следует сокращенное название населенных пунктов, где записано данное слово, а затем следуют грамматические и стилистические пометы. Во многих словарных статьях указываются синонимы и сложные слова, компонентом которых выступает данное заглавное слово.

Семантическая структура вепсских слов описана обстоятельно; большинство значений выделено правильно и подтверждается иллюстративными примерами, хотя, разумеется, при многих словах перечислены далеко не все лингвистические контексты, в которых они могут встречаться. В многозначных словах составители выделяют различные виды значений: денотативные и коннотативные, прямые и переносные, фразеологические — правда, выделение этих значений не всегда последовательно и удачно. Тем не менее эти разнообразие сведения о вепсских словах свидетельствуют о том, что составителями проделан большой кропотливый труд по осмыслению и систематизации вепсского лексического материала.

В корпусе лексикона вместе с тем встречаются некоторые лексикографические погрешности, дающие повод для полемики. В ряде случаев у заглавных слов выделены вторичные значения, которые не вытекают из примеров, и охватываются основным значением слова: см. *halloita* 2. 'сильно похолодать' (стр. 104), *humaloita* 2. 'шуметь, буйствовать (в пьяном виде)' (стр. 133) и т. д. В других случаях дополнительные значения у слов, наоборот, не выделяются, хотя они вытекают из примеров: *ahj* 'очаг (кузницы)' (стр. 21); *II koht* 3. 'душа' (стр. 216) (*kohtun pa-*

kutab, en teda midä lijnob 'душа болит, не знаю, что будет' см. при *I pakutada* (стр. 395)) *I laba* 2. 'донце прялки' (стр. 268), *lugeda* (*longeline*) 'служить (обедно)' (стр. 300), *muržain* 'жена' (стр. 339), *ripta* (*nižas*) 'держаться за грудь' (стр. 473) (*ön läbi nižas rippub laps da immob* 'всю ночь ребенок держится за грудь и сосет', см. при *imeda* (стр. 148)) и т. д.

Наблюдаются неточности в толковании некоторых заглавных слов: например, *hagurta* 'портачить (делать что-либо неряшливо, наспех)' (стр. 101) вместо 'делать что-либо наспех'; *sor* 'орган размножения (быка, барана)' (стр. 519) вместо 'половой орган (быка, барана)'.

В словаре встречаются и другие, более мелкие погрешности: неудачно подобранные примеры, не соответствующие толкованию (например, при словах *adui* 2. 'возлюбленная' (стр. 20), *händ* 'хвост' (стр. 140), *hatar* 'портянка' (стр. 109), *ližaveži* 'прибылая вода' (стр. 293), *maihäita* 'махнуть (рукой)' (стр. 317) и т. д.), и просто однообразные экзemplификации (например, при слове *tartta* 'приставать, прилипать' (стр. 562)). Имеются случаи неправильных переводов иллюстративных примеров, например, при *iža* 1. (стр. 153), *vedada* 8. (стр. 621) и т. д. Затрудняет пользование словарем иногда излишне сложная система перекрестных ссылок: например, при словах *soñlehtes* 'подоходник' (стр. 519), *täükhiin, täüklehtes* (стр. 594).

7. Описание значений вепсских слов ведется на русском языке в виде перевода или краткого толкования. Иллюстративные примеры также снабжены переводом, причем нередко при них в скобках дается буквальный перевод. Для экономии места буквальные переводы можно было опустить из словаря, учитывая, что значения слов в разноплановых языках никогда полностью не эквивалентны.

8. Отдельные частные замечания к словарю сводятся к следующему: 1) к словарю не приложена схематическая карта вепсских регионов; 2) в алфавите не указана буква *j*, хотя в корпусе словаря особо даются словарные статьи на эту букву; 3) не упорядочено употребление пометы *фольклорное*; 4) в вепсских и рус-

ских словах иногда встречаются опечатки, хотя словарь издан офсетным способом.

9. К словарю приложен краткий грамматический очерк, в котором в сжатом виде излагаются необходимые сведения о грамматике вепского языка. В разделе «Фонетика» авторами почему-то не указана вепская фонема *ʃ*. При большинстве правильных положений, содержащихся в разделе «Морфология», с некоторыми абзацами этого раздела нельзя согласиться. Это относится прежде всего к выделению так наз. агглютинат как промежуточного явления между вторичными послеложными падежами и послелогам (стр. 728—729) и выделению так наз. начинательной формы глагола на *-škand-* (стр. 737), которая представляет собой словообразующий суффикс глаголов, полностью параллельный другим глагольным

суффиксам словообразования, передающим видовые оттенки значений.

Оценивая положительно выход в свет «Словаря вепского языка», в заключение отметим, что, несмотря на некоторые недостатки, этот словарь является весьма информативным лексикографическим трудом, актуальность и надежность которого не вызывает сомнений. Он содержит много новых лингво-географических и чисто лексических фактов по вепским говорам и вместе с тем обобщает и в системном виде вводит в научный оборот уже известный, но для многих труднодоступный лексический материал. Изданием этого словаря положено неплохое начало в деле научной инвентаризации исчезающей вепской лексики, которое отнюдь нельзя считать пока завершенным.

А. П. БАРАНЦЕВ (Петрозаводск)

Márton Gyula, *A moldvai csángó nyelvjárás román kölcsönszavai*, Bukarest 1972. 602 S.

In der ungarischen und finnischen Sprachwissenschaft, in denen die neuesten etymologischen Synthesen (Suomen kielen etymologinen sanakirja, A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, A magyar szókészlet finnugor elemei) bald abgeschlossen werden, kann und soll die etymologische Forschung in Zukunft viel mehr Aufmerksamkeit dem Dialektwortschatz entgegenbringen. Es ist wohlbekannt, daß man von der Untersuchung der Mundarten viel neues Material erhoffen darf. Andererseits ist auch von der Methode her gesehen einleuchtend, daß die einen bestimmten Teil des Wortschatzes einer Mundart betreffenden etymologischen Untersuchungen eine Reihe von Detailfragen beantworten, Probleme verschiedener Natur lösen können, was bei einer großangelegten Synthese hochsprachlichen Wortschatzes nicht immer, oder nur teils oder sogar gar nicht der Fall sein kann. Es soll vor allem auf die Möglichkeiten der Sprachgeographie bei solchen Mikrountersuchungen hingewiesen werden. Wegen der verfeinerten und teils mit exakten Mitteln operierenden

Methodik der Lehnwortforschung scheint die Untersuchung der Lehnwörter in den Dialekten der zur Zeit die meisten Erfolge versprechende Weg zu sein. Selbstverständlicherweise können die monographischen Bearbeitungen die verlässlichsten Ergebnisse bringen.

Eine solche Monographie ist die von Gy. Márton. Obwohl diese Monographie in erster Linie für Hungarologen von Bedeutung ist, sollte sie wegen ihrer Methode und Ergebnisse auch den Uralisten vorgestellt werden.

Gegenstand der zu rezensierenden Monographie ist die rumänische Lehnwortschicht des sog. Tschango-Dialektes des Ungarischen. Der Tschango-Dialekt — eine ungarische Sprachinsel in der Moldau (Rumänien) — ist der archaischste Dialekt der ungarischen Sprache. Im 14. Jahrhundert sind viele ungarische Familien aus dem Szeklerland (ung. Székelyföld in Siebenbürgen) in die Moldau umgesiedelt und haben sich dort zwischen der rumänischsprechenden Bevölkerung niedergelassen. Damit entstand eine ungarische Sprachinsel,